

НА ЭТОТ РАЗ УХОЖУ Я

ОЛЬГА СЛОБОДСКАЯ

Ольга Слободская

На этот раз ухожу я

«Автор»
2026

Слободская О.

На этот раз ухожу я / О. Слободская — «Автор», 2026

«Теперь ты наконец скажешь ей? Или мне ещё год ждать?»Сообщение появилось на телефоне мужа, который я поставила на зарядку.Восемь месяцев после его аварии я жила между домом и больницей. Радовалась каждому шагу, который он делал без моей помощи. Ждала, когда мы снова сможем жить как прежде.А потом прочитала переписку.— Жень, давай сядем.Он говорил спокойно. Знал, что я уже однажды простила его.Я тоже помнила, чем закончился мой прошлый уход. Только повторять его не собиралась.

© Слободская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ужин после больницы 5
Глава 2. До аварии 10
Глава 3. Из студии тоже 15
Глава 4. Моя фамилия на чертежах 20
Глава 5. Объект 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ольга Слободская
На этот раз ухожу я

Глава 1. Ужин после больницы

К шести часам я успела накрыть стол, вымыть пол у входа и дважды переодеться. Первое платье висело на мне свободнее, чем прошлым летом, и я обрадовалась этому ровно до тех пор, пока не увидела в зеркале собственные плечи. Во втором было жарко стоять у духовки.

В конце концов я надела джинсы и рубашку. Рукава закатала, а серьги так и остались на стиральной машине, куда я положила их перед тем, как чистить картошку.

— Жень, ты мою синюю не видела?

Илья стоял в дверях спальни с расстёгнутым воротом. Он уже давно мог сам доставать одежду из шкафа, но ещё спрашивал у меня, где она лежит.

— На второй полке. Под серой.

— Там нет.

Я сняла прихватку, прошла мимо него и вытащила рубашку из-под серого джемпера.

— А, вот она.

Он взял её, коснулся губами моего виска и отступил к зеркалу. Я задержалась в спальне, пока он застёгивал манжеты. После первых дней дома ему трудно давались пуговицы: он уставал сидеть без опоры и злился, если я помогала слишком рано. Теперь справлялся сам. Я смотрела на его руки и всё равно прикидывала, успею ли подойти, если понадобится.

— Что? — спросил он у моего отражения.

— Ничего. Хорошо выглядишь.

— Ну так пора уже.

Я пригладила воротник на его спине. После августовской аварии ему собирали переломы таза, потом несколько месяцев почти всё приходилось делать с моей помощью. К зиме коляску сменили ходунки, позже трость, но я продолжала прислушиваться, не зовёт ли он из соседней комнаты. Даже теперь, когда он уже сам заказывал такси и ездил по делам.

На запястье у меня остался след от мокрой прихватки.

Из кухни потянуло подгорающим сыром.

— Блин, картошка.

— Ты же таймер ставила.

Таймер я действительно ставила, но на телефоне, который заряжался в прихожей. Когда я вернулась на кухню, он уже три минуты требовал выключить духовку.

Ужин придумала я. Без повода, говорила всем, просто давно не собирались. Илья в среду впервые после аварии съездил в студию на полный день, в четверг и пятницу тоже. Я подумала, что теперь можно достать большую скатерть и пригласить людей, которые не будут спрашивать о лекарствах.

Картошка оказалась целой. Я соскребла с края формы одну чёрную сырную корочку и съела, обжигаясь.

На столе стояло пять тарелок. Чтобы Илье было удобнее садиться, я ещё осенью придвинула его стул к короткой стороне. До этого он всегда сидел у стены, рядом со мной. Сегодня я вернула стул на прежнее место, отодвинула и попробовала пройти между ним и подоконником.

Неудобно. Я сама когда-то выбрала этот стол, отлично знала все размеры, а теперь примерялась к собственной кухне, как на первом обмере.

Я снова переставила стул к торцу.

Мама пришла раньше остальных. В одной руке она держала пакет с пирогом, в другой маленький горшок с базиликом.

— Зачем базилик?

— У меня на окне загибается. У вас солнечно.

— То есть ты принесла его умирать ко мне?

— Ну что ты говоришь. Ты польёшь, и будет хороший.

Я поставила растение рядом с раковиной. Половина листьев уже обвисла, а в землю была воткнута палочка от мороженого.

Мама переобулась, заглянула в гостиную и остановилась.

— Илюша, какой ты сегодня нарядный.

Он поднялся ей навстречу. Медленно, опираясь ладонью на подлокотник, но без моей помощи.

Мама обняла его за плечи, потом зачем-то поправила ту самую манжету, которую он застёгивал в спальне.

— Ну вот. Теперь заживёте.

Я унесла пирог на кухню и стала искать для него большое блюдо. Оно лежало за противнями, и, чтобы достать его, пришлось вынуть почти весь шкаф. Мама вошла следом, присела рядом и придержала дверцу.

— А где у вас тот стул?

— Какой?

— Ну, на колёсиках.

— Вернули. Он же прокатный был.

— Я помню.

Она помолчала, перебирая пальцами ручку пакета.

— Хорошо, что вернули.

Я поставила блюдо на стол. На столешнице всё ещё был заметен светлый прямоугольник от органайзера с лекарствами. Я убрала его в ящик только утром, хотя Илья уже давно не принимал большую часть того, что там хранилось.

Мама посмотрела на мои руки.

— Ты хоть кремом мажь. У меня есть хороший, тебе принесу.

— У меня тоже есть.

— Так ты мажь.

Раздался звонок, и я пошла открывать Тане с Пашей.

Ильина сестра принесла торт, хотя я просила ничего не покупать. Паша притащил бутылку вина и уже в прихожей начал рассказывать, как сорок минут искал парковку. Таня сняла плащ, сунула мне коробку и прошла к брату. Я слышала, как она сказала ему что-то тихо, а он отмахнулся:

— Да нормально всё. Садись давай.

За столом я сначала прислушивалась к каждому его движению. Не слишком ли низко сидит, не устал ли, не нужно ли подложить под спину маленькую подушку. Потом он сам попросил Пашу передать хлеб и потянулся за салатом, и я наконец взяла вилку.

— Жень, а ты ешь вообще? — спросила Таня. — Ты как на работу нас позвала.

— Это потому, что работа не кончается. Если бы вы ели быстрее, я бы уже лежала.

Паша придвинул к себе форму с картошкой.

— На меня можете рассчитывать.

Я засмеялась и отрезала себе кусок курицы. Он оказался холодным. Пока я носила салфетки и искала штопор, все остальные уже успели положить себе горячее.

Илья заметил, подцепил из формы другой кусок и переложил мне на тарелку.

— Вот этот возьми.

— У меня есть.

— Да он остыл у тебя. Я вижу.

Он забрал мой кусок себе, и я вдруг так обрадовалась этой мелочи, что пришлось заняться салатом, чтобы никто не заметил. Восемь месяцев я следила за тем, что он ест и удобно ли ему сидеть. Теперь он сам посмотрел на мою тарелку.

Паша спросил про машину. Илья ответил, что пока ездит на такси, к рулю вернётся позже. Таня начала рассказывать про соседку, которой снесли зеркало во дворе, и я по привычке ждала, когда разговор свернёт к аварии. Но Паша увёл его к камерам на парковках, а мама стала уточнять рецепт картошки.

За окном ещё было светло. Солнце попадало на крошки возле хлебницы, и я всё время замечала их боковым зрением. Потом перестала.

— А летом вы что? — спросила Таня.

Я посмотрела на Илью.

— Я думала, можно будет куда-нибудь ненадолго. Хотя бы на неделю.

— Куда? — Он не оторвался от тарелки.

— Пока не знаю. Может, на озёра. Без переездов, просто домик снять.

— Посмотрим, Жень. Сейчас работать надо.

— Я понимаю. Я про июль.

— В июле тоже надо.

Таня потянулась к салфеткам.

— Да успеете ещё. Пусть сначала в колею войдёт.

— Ну да, — сказала я. — Я же не завтра предлагаю.

Илья что-то набрал в телефоне под краем стола. Я подумала, что напрасно заговорила об отдыхе при всех. Следовало сначала выбрать несколько мест и показать ему цены. Так он хотя бы понял бы, о чём речь.

Паша налил вино и поднял бокал.

— Ну, за возвращение, что ли. Мы с Танькой решили, что на работе тебе теперь надо выдавать каску. Даже если в офисе сидишь.

— На работе я как раз спокойно сижу, — сказал Илья.

— Это ты им рассказывай, кто тебя не знает.

Я тоже взяла бокал. Вина там было на два глотка: за эти месяцы привыкла, что вечером может понадобиться куда-то ехать.

— И за Женьку, — добавила Таня. — Ты вообще герой. Я бы, честно, не знаю, как всё вывезла.

Мне захотелось, чтобы она перестала говорить. Я улыбалась и смотрела на узор скатерти, пока мама кивала, а Паша касался бокалом моего.

— Спасибо, — сказал Илья и накрыл мою свободную руку своей. — Теперь отдохнёт немного.

Его ладонь была сухой и горячей. Я повернула руку, переплела пальцы с его пальцами и допила вино.

После ужина Паша предложил помочь с посудой, но Таня сказала, что сначала надо дать хозяйке хоть немного посидеть. Все перешли в гостиную. Я включила посудомоечную машину, перенесла туда торт и обнаружила, что праздничные вилки остались в нижнем ящике кухни.

Илья рассказывал, как в студии за время его отсутствия переставили принтер. Теперь, чтобы достать бумагу, приходилось отодвигать тумбу. Паша смеялся, мама удивлялась, как никому не пришло в голову измерить расстояние.

Я вернулась с вилками.

— Это я им сказала переставить. На принтер капало из кондиционера.

— Ну вот, — сказал Илья. — А кондиционер они так и не починили.

— Починили. Я мастеру ещё в феврале…

— Жень, да я не про кондиционер. Там пол-офиса теперь боком ходит.

Я положила вилки возле торта. Илья подвинул мне коробку:

— Порежешь? Только мне маленький.

Таня наклонилась к маме и стала спрашивать про её колено. Я сходила за ножом.

Гости ушли ближе к десяти. В прихожей долго не находился мамин платок, хотя я с самого начала видела его на полке под зеркалом. Она упорно искала в рукаве, потом в пакете от пирога и, только когда я подала платок ей в руки, сказала:

— А, ну да. Я же сюда положила.

Мы с Ильёй проводили всех до лифта. Таня крепко обняла брата и велела не сидеть в понедельник до ночи.

— Присмотри за ним, — сказала она мне.

Я пообещала.

Когда закрылась дверь, в квартире ещё пахло маминими духами. На полу у вешалки лежал картонный уголок от коробки с тортом. Я подняла его, отнесла на кухню и только там почувствовала, как болят ступни.

Илья сел на диван, вытянул ноги и взял пульт.

— Нормально посидели.

— Угу.

— Ты чего?

— Устала. Сейчас уберу и лягу.

— Оставь на завтра.

Я посмотрела на тарелки с кремом. Завтра его придётся отмачивать.

— Тут немного.

Он включил телевизор. В гостиной заговорили слишком громко, и я попросила убавить. Илья нажал кнопку, потом ещё раз.

Я завернула остатки пирога, убрала курицу в холодильник и поставила базилик на подоконник. Земля была совсем сухой. Из горшка торчала та самая палочка, а на ней маминым почерком было написано: «Не залить».

Я понемногу добавила воды, дождалась, пока она впитается, и вытерла поддон.

В гостиной Илья разговаривал по телефону.

— Сейчас не могу. Давай завтра.

Потом телевизор замолчал, и он появился в кухонных дверях.

— Я в душ. Куда зарядку дела?

— На комоде.

— Поставь мой, а? Там процентов пять.

Он протянул телефон, уже потянув ворот рубашки от шеи. Я взяла его мокрой рукой, вытерла корпус полотенцем и пошла в прихожую. На комоде лежали мои серьги, которые мама, видимо, принесла из ванной, и чек из аптеки. Я сдвинула всё в сторону, подключила провод.

Экран загорелся. В углу было четыре процента, а поверх фотографии нашего прошлогоднего отпуска появилось сообщение от Ники.

«Гости ушли?»

Я подумала, что это кто-то из студии. Восемь месяцев отвечала на вопросы об Илье, пересылала выписки, объясняла, когда можно звонить. Потом заметила время. Рабочие сообщения по субботам приходили и позже, но никто не спрашивал, разошлись ли наши гости.

Из ванной донёсся шум воды.

Экран погас, а я продолжала держать телефон за нижний край, потому что провод не доставал до комода, если положить его обычным образом. Надо было перевернуть зарядку в розетке. Я наклонилась, и он коротко завибрировал у меня в пальцах.

«Теперь ты наконец скажешь ей? Или мне ещё год ждать?»

Вода в ванной ударила сильнее: Илья переключил душ. Я стояла у розетки в неудобной позе и читала сообщение, пока экран снова не потемнел.

Потом нажала боковую кнопку.

Слова остались теми же.

Я знала его код. Меняла ему будильники, заказывала такси, когда он только начал ездить без меня. Ввела четыре цифры и открыла переписку.

Над двумя последними сообщениями стоял короткий ответ Ильи, отправленный ещё за столом:

«Сегодня поговорю. Позже напишу».

Глава 2. До аварии

Я прокрутила переписку вверх. Сначала шли короткие сообщения про вечер, потом фотография стакана с бумажным зонтиком и вопрос, понравился ли ему ужин. Илья ответил: «Курица».

Одно слово, без знаков. Я почему-то задержалась на нём дольше, чем на всём остальном. Покупала курицу ещё вчера, натирала её под кожей маслом с чесноком, а сегодня с утра проверяла, хватит ли времени разморозить вторую упаковку. Чужая женщина спросила, чем нас кормили, и он ей ответил.

Ниже стояло: «Ну хоть не твоя больничная индейка».

Я провела пальцем по экрану ещё раз. Мелькнула фотография Ильи в машине, следом голосовые сообщения. Я не включала их. В ванной всё ещё работал душ, и услышать голос этой женщины в нашей прихожей было бы уже слишком.

В переписке появились мартовские даты. Я долистала до фотографии букета, потом закрыла чат и положила телефон на комод. Не нашла ничего, что можно было бы прочитать иначе. Но всё равно ждала, что Илья выйдет и объяснит.

Курицу. Букет. Сообщение про год.

Я пошла на кухню и достала нож из раковины. Он лежал там с тех пор, как я разрезала торт. Я помнила, что собиралась его помыть, взяла губку, выдавила средство и остановилась, так и не включив воду.

Из ванной щёлкнула защёлка.

— Жень, полотенце это мокрое. Где второе?

— В шкафу.

— В каком?

Я положила губку.

— В спальне.

Он прошёл по коридору, открыл шкаф. Потом появился на кухне в домашних брюках и футболке. Волосы у него были мокрые, у виска торчала прядь. Я помнила, как несколько месяцев назад мыла ему голову над тазом: он сидел, вцепившись в края табурета, и ругался, когда вода попадала за ворот.

— Ты чего стоишь?

— Кто такая Ника?

Он посмотрел на комод в прихожей. Из кухни виден был только край телефона и белый провод.

— Ты в мой телефон залезла?

— Ты попросил поставить его на зарядку.

— Я попросил поставить, а не читать.

— Кто такая Ника?

Он провёл ладонью по влажным волосам и прислонился к дверному косяку. Я знала это движение: раньше он так выслушивал подрядчиков, которые приходили с просьбой пересмотреть цену.

— Что ты успела прочитать?

— Что ты сегодня со мной поговоришь. Она ждёт больше года. Я что-то неправильно поняла?

— Жень, давай сядем.

— Я могу стоять.

Он прошёл мимо меня и сел за стол. На его прежнее место у стены. Отодвинул стул, осторожно опустился, придерживаясь за край столешницы. Я заметила, что под ножку попала складка скатерти, и заставила себя не поправлять.

Илья посмотрел на часы над холодильником.

— Я хотел тебе сказать.

— Сегодня?

— Да.

— До торта или после?

Он прикрыл глаза и потёр переносицу.

— Не надо так. Я понимаю, как это выглядит.

Я ждала. Из гостиной доносился негромкий голос телевизора; кто-то рекламировал доставку продуктов. Илья не выключил его, когда ушёл в душ.

— Мы с Никой вместе, — сказал он.

Я взялась за спинку свободного стула. Перед ужином протирала её, и дерево под рукой было гладким, без единой крошки.

— Давно?

— Какая теперь разница?

— Мне есть разница.

Он переставил чашку, оставшуюся от маминого чая.

— С февраля.

— С этого?

Илья не ответил. Я сама посчитала месяцы: февраль, март, потом тот августовский звонок. Пока я искала в телефоне номер такси, мужчина на другом конце провода дважды повторил название больницы. Я всё равно переспросила у него адрес.

— С прошлого февраля?

— Да.

Я отпустила стул и села. Передо мной лежала салфетка с пятном от свёклы. Я сложила её так, чтобы пятно оказалось внутри, потом развернула.

— То есть до аварии вы уже были вместе.

— Я же сказал.

— И ты собирался мне сказать?

— Собирался.

— Когда?

Он выдохнул через нос, глядя на чашку.

— Летом. Потом всё это случилось.

Я вспомнила сумку, в которой носила в больницу его вещи. Чёрную спортивную, с оторванным язычком на молнии. Застёжку приходилось подцеплять скрепкой. Я могла бы купить новую, но всё откладывала, потому что старая ещё годилась.

Ника ждала, пока я носила эту сумку.

— Ты был с ней всё это время?

— Женя…

— Вы не расставались?

— Нет.

Он сказал это тихо. Даже осторожно, как будто громкость могла что-то исправить.

— Она знала обо мне?

— Знала.

— И о том, что я с тобой?

— Ну конечно знала. Жень, мы не дети.

Я подняла на него глаза. Он сидел передо мной, уже почти такой, как прежде: выбритый, с чистыми волосами, в футболке без вытянутого ворота. Эту я купила недавно, когда убирала из шкафа вещи, в которых ему было удобно ходить на процедуры. Мне хотелось, чтобы дома больше не было больницы.

— А я не знала, — сказала я.

Он отвернулся к окну.

— Я не мог сказать тебе тогда.

— Почему?

— Ты сама видела, в каком я был состоянии.

— Я видела.

— Ну вот. Мне надо было выкарабкаться. Я вообще не понимал, смогу ли нормально ходить. Как мне было это всё…

Он сделал движение рукой, будто пытался подобрать слово, и замолчал.

Я вспомнила ночь, когда он впервые дома попытался встать один. Услышала удар, выбежала из спальни и нашла его на полу возле кровати. Мы оба тогда испугались. Он сидел, прижав к себе одну руку, и говорил: «Только не ругайся, Жень. Я думал, сам дойду».

Я не ругалась. Подтянула к нему подушку, позвонила врачу и потом ещё долго сидела рядом, пока он не перестал дрожать.

— Ты боялся, что я уйду, — сказала я.

— Я ни в чём не был уверен. А ты сейчас говоришь так, будто я специально под машину лёг.

— Я этого не говорила.

— Но думаешь.

— Я думаю о том, что ты ждал, когда сможешь без меня обходиться.

Он резко отодвинул чашку. Чай выплеснулся на блюдце.

— Да что ты хочешь услышать? Что я должен был сделать? Лежать и смотреть, как ты вещи собираешь?

Я смотрела на его руку. На большом пальце возле ногтя была маленькая трещина, которую я заметила ещё за столом. Хотела дать ему крем, пока он не расковырял её до крови.

— Ты мог сказать мне правду.

— И что бы ты сделала?

Я открыла рот, но ответа не нашла. Не знала, осталась бы я в августе, если бы узнала. В больничном коридоре согласилась бы на что угодно, лишь бы мне разрешили войти и увидеть его живым. Именно это Илья сейчас и спрашивал: неужели я предпочла бы тогда уйти?

Я встала.

— Я не буду сейчас это обсуждать.

— Мы ещё не поговорили.

— Ты сказал достаточно.

Он тоже поднялся, но я уже вышла из кухни.

В спальне на кровати лежало одно из платьев, которые я примеряла перед ужином. Я подняла его и повесила в шкаф. Потом вытащила из-под кровати небольшой чемодан. Одно колёсико зацепилось за край ковра, и мне пришлось опуститься на колени.

Илья остановился в дверях.

— Ты куда?

— К маме.

— Сейчас?

Я проверила время на своём телефоне. Половина одиннадцатого. Мама ещё наверняка не спала, разбирала принесённые ей куски торта по контейнерам.

— Сейчас.

— Жень, ну подожди ты. Можно нормально решить. Я сам завтра…

— Сам что?

Он посмотрел на чемодан.

— Не надо делать всё на эмоциях.

Я открыла ящик с бельём. Взяла несколько вещей, положила их в чемодан. Он оставался пустым больше чем наполовину, и я не понимала, что ещё мне понадобится. В отпуск всегда собиралась по списку, а сейчас вспомнила только зарядку и зубную щётку.

Илья подошёл ближе.

— Я не выгоняю тебя из дома.

— Я знаю.

— Так зачем посреди ночи куда-то ехать?

— Мне нужно выйти.

— Можно хотя бы до утра подождать?

Я достала толстовку с полки и заметила под ней старую футболку Ильи. Она когда-то попала ко мне после стирки, я надевала её дома. Я переложила её на его сторону шкафа.

Три года назад я уже собирала здесь вещи. Тогда всё делала быстро, швыряла одежду и никак не могла найти паспорт. Илья ходил следом, просил выслушать, говорил, что всё закончилось. На четвёртый день я вернулась, а он встретил меня у подъезда без куртки и так сильно обнял, что я заплакала ещё до того, как вошла домой.

Я любила его и хотела верить, что можно дальше.

— Ты же обещал, — сказала я.

Он присел на край кровати.

— Я помню.

— Нет. Ты говорил, что больше никогда не поставишь меня в такое положение.

— Жень, три года прошло.

— Поэтому можно ещё раз?

— Я не это сказал.

Я положила в чемодан вторые джинсы и пошла за сумкой с ноутбуком. Она стояла под моим рабочим столом, задвинутая так глубоко, что сначала пришлось убрать пакет с одноразовыми пелёнками. Пакет я купила с запасом и потом не знала, куда деть оставшееся.

Илья посмотрел на сумку.

— Компьютер зачем?

— Он мой.

— Я знаю, что твой. Ты на сколько вообще собралась?

Я застегнула молнию и проверила боковой карман: блок питания был на месте. В маленьком отделении нашла карандаш и банковскую карту, которую считала потерянной. Смешно было держать её в руках: я два месяца платила другой и всё собиралась заказать перевыпуск.

В прихожей я позвонила маме.

Она ответила после первого гудка.

— Вы нашли крышку? Я, кажется, от пирога крышку у вас оставила.

— Мам, можно я приеду?

— А что случилось?

— Потом расскажу. Я одна.

Она больше ничего не спросила. Сказала, что постелет, и велела взять такси.

Илья вышел за мной, пока я обувалась. Я сидела на банкетке и никак не попадала пяткой в кроссовок. Подкладка загнулась, я надавила сильнее и почувствовала, что сейчас порву её.

— Ложка рядом, — сказал он.

Я взяла ложку для обуви. Он стоял напротив в тех домашних брюках, которые я вчера постирала, и наблюдал, как я одеваюсь.

Приложение предложило повторить поездку в клинику, куда я возила Илью во вторник. Я ввела мамин адрес. Водитель подъедет через четыре минуты.

— Завтра поговорим, — сказал Илья.

Я спрятала телефон в карман куртки.

— Документы я потом заберу. Сейчас только паспорт.

— Какие документы? Жень, ну хватит. Ты поживёшь у матери, выдохнешь. Не надо сейчас всё разносить.

Он взялся за ручку чемодана раньше меня.

— Я донесу.

— Оставь.

— Да я просто…

— Илья, оставь чемодан.

Он отпустил ручку. Я поставила рядом сумку с ноутбуком, сняла с крючка шарф и только тогда заметила, что серьги остались на комоде возле его телефона. Убрала их в карман. Телефон был повёрнут экраном вниз.

Такси подъехало. Я взялась за дверь, и Илья сказал:

— В прошлый раз ты хотя бы дала мне договорить.

Я открыла дверь и выкатила чемодан на площадку. Потом вернулась на шаг, чтобы взять сумку с ноутбуком.

Он всё ещё стоял рядом с вешалкой.

— Напиши, как доедешь.

Я вышла, не ответив. Дверь закрылась не сразу: Илья придерживал её, пока я нажимала кнопку лифта.

Уже в кабине я открыла приложение и увеличила номер машины. Плохо видела цифры, хотя стояла прямо под лампой. Вытерла глаза рукавом и нажала кнопку первого этажа.

Глава 3. Из студии тоже

Мама уже разложила диван и принесла из спальни своё одеяло. То самое, тяжёлое, в пододеяльнике с выцветшими розами. Я помнила его ещё по школьным болезням: под ним всегда становилось жарко раньше, чем удавалось уснуть.

— Я тебе другое завтра достану, — сказала она. — Это с ходу взяла.

— Нормальное одеяло.

Она забрала у меня куртку, посмотрела на чемодан и не спросила, надолго ли я. В кухне горел свет. На столе стояли две чашки, а возле них тарелка с нашим пирогом.

— Я не буду есть, мам.

— Ну просто посиди.

Я села на табурет у холодильника. Здесь всё было чуть ниже и ближе друг к другу, чем у нас дома. Дверца холодильника задевала бы мои колени, если бы мама решила достать молоко. Я поджала ноги.

Она налила чай. Заварки оказалось так много, что на дне моей чашки лежало несколько чаинок.

— Что он сделал?

Я смотрела на ложку. На ручке сохранилась буква «Г», которую я когда-то выцарапала циркулем. У мамы вещи служили десятилетиями, даже если их портили дети.

— У него другая женщина.

— Опять?

Я кивнула.

Мама поставила чайник на плиту, хотя он был электрический. Сразу переставила обратно на подставку и вытерла ладони о фартук.

— Когда ты узнала?

— Час назад. Может, полтора.

— Вы весь вечер… Он всё это время за столом сидел?

— Мам, я не знала.

— Я понимаю, что не знала.

Она села напротив. Пирог между нами был накрыт салфеткой, и из-под неё торчала крошка начинки. Я смотрела на неё и никак не могла поднять глаза.

— Давно у них?

— С прошлого февраля.

Мама начала считать что-то на пальцах, потом убрала руку под стол.

— Подожди. А когда он…

— Да.

Она отодвинула чашку.

— Вот сволочь.

Я втянула носом воздух и почувствовала, что сейчас начну оправдывать его. Скажу, что он тоже многое пережил, что не всё было так просто, что вначале врачи ничего не обещали. Мама сидела передо мной в старом фартуке и ждала. Я потянулась за бумажной салфеткой.

— Я не хочу сегодня про него, ладно?

— Конечно. Не будем.

Она помолчала.

— А ты точно всё взяла? Умыться есть чем?

Я открыла рот и засмеялась. Смех вышел неприятный, с коротким всхлипом, но остановить его я не могла. Взяла ноутбук, серьги с комода, старую банковскую карту, а щётку оставила в стакане рядом с его щёткой.

Мама испугалась и придвинулась ко мне.

— Жень?

— Я зубную щётку не взяла.

— Господи, ну щётку купим.

Она погладила меня по спине. Я закрыла лицо салфеткой. Бумага мгновенно намокла и стала прилипать к щекам.

Мы просидели на кухне ещё какое-то время. Мама не спрашивала больше ничего. Резала пирог на маленькие кусочки и один из них всё-таки положила на блюдце передо мной. Я съела начинку, оставив тесто. Потом выпила остывший чай и пошла ложиться.

На диване не помещалась подушка: если устроить её обычным образом, ноги упирались в подлокотник. Я подогнула колени, потянула к себе одеяло и услышала, как мама ходит по коридору. Она заглянула, спросила, не дует ли из окна. Я сказала, что нет.

Потом взяла телефон. Илья написал: «Доехала?» Следом, через двадцать минут: «Могла бы ответить».

Я набрала: «У мамы».

Сообщение почти сразу стало прочитанным. Ответа не было.

Мне хотелось снова открыть переписку с Никой. Я уже не держала его телефон, но могла восстановить по памяти несколько строк и всё возвращалась к ним, будто на третий или четвёртый раз увижу что-то ещё.

Я перевернулась на другой бок. Из-под наволочки пахло утюгом. Мама всегда гладила постельное бельё, хотя жаловалась, что на это уходит половина воскресенья.

Ночью я несколько раз просыпалась и прислушивалась, не зовут ли меня. В один из таких раз села, нашарила тапки и только тогда узнала узор на занавесках. Легла обратно, не зажигая свет.

Утром позвонила Даша из студии.

Я ещё не успела встать, телефон заскользил между диваном и стеной. Пришлось просунуть руку так глубоко, что на запястье остался красный след.

— Евгения, здравствуйте. Извините, что в выходной.

Даша всегда называла меня полным именем. Илья в своё время пытался сделать в студии общение на «ты», но при нём люди всё равно говорили «Илья Сергеевич», а между собой как придётся.

Студия была оформлена на него. У меня было своё ИП: дизайнерские этапы мы закрывали отдельными договорами, а заказчикам он продавал общую работу студии. Последний мой этап был сдан до аварии. После я отвечала на вопросы между больницами и процедурами, когда находила время. Никто из нас не составлял договор на такую помощь.

— Что случилось?

— По гостинице вопрос. Илья Сергеевич сказал, вы посмотрите план и скажете, что делать с розетками. Мне надо сегодня ответить электрику.

Я откинула одеяло.

— С какими розетками?

— У изголовий. Там поменяли кровати, и они теперь попадают за обивку. Он говорит, у вас исходник есть, можно быстро поправить.

Гостиницу я начала до аварии. Хорошо помнила самый первый выезд: комнаты ещё без отделки, коричневые следы старого клея на стенах, чай в пластиковом стаканчике. Потом передала проект Даше и несколько раз отвечала на отдельные вопросы. Сами рабочие изменения уже не вела.

— Почему кровати поменяли?

— Не знаю. Это до меня решили. То есть не совсем до меня, но Илья Сергеевич…

Я потянулась за ноутбуком и поставила его на колени. Компьютер долго выходил из сна. На экране осталось письмо из клиники с подтверждением приёма, открытое ещё во вторник.

— Пришли, что у вас сейчас, — сказала я.

— Я уже отправила. Спасибо большое.

Ссылка на папку появилась в мессенджере. Я скачала файл, развернула план и увеличила спальню первого номера. Кровать действительно стала шире, но почему-то уехала вместе с прикроватными тумбами. Передвинули и перегородку возле входа. Я не понимала, зачем.

— Даша, а фактические размеры у тебя есть?

— На этом листе.

— Это старые. Стена была в другом месте.

— Тогда нет. Надо у прораба спросить.

Я посмотрела на дату файла. Ноябрь. За эти месяцы в комнатах могли сделать что угодно.

Мама заглянула в дверь с тарелкой. Я прикрыла микрофон ладонью и покачала головой. Она поставила тарелку на край стола и вышла.

— По этому плану ничего двигать нельзя, — сказала я. — Нужны размеры на месте и подтверждённая модель кровати. У тебя есть фотография?

— Сейчас поищу.

Я подняла глаза на дверной проём. Мама стояла в коридоре с полотенцем в руках. Не вмешивалась, но было видно, что слушает.

— Даш, подожди. Я сейчас не буду это исправлять.

На другом конце стало тихо.

— Простите?

— Напиши Илье, что без обмера у тебя нет данных для решения. И что со мной он это не согласовывал.

— Он сказал, вы в курсе.

— Нет. Я не в курсе.

Я услышала, как она выдохнула. Ей тоже предстоял неприятный звонок, и я знала, кому она будет его делать.

— Понятно. Извините, что потревожила.

— Ты ни при чём, Даша.

Мы попрощались. Я закрыла план, потом снова открыла его и проверила подпись в углу. На листе стояли мои инициалы и фамилия: «Е. Крылова». Дату и номер версии изменили, а фамилию оставили.

Илья позвонил, пока я читала имя в рамке.

— Ты зачем Дашку отфутболила?

Он даже не поздоровался.

— Потому что она просит исправить план, который не соответствует помещению.

— Ты можешь с ней по-человечески поговорить? Девчонка растерялась.

— Я с ней нормально поговорила. Ей нужны размеры и модель кровати.

— Ну так помоги разобраться. Ты же этот объект делала.

Я почувствовала знакомое желание объяснить всё подробно. Какие изменения увидела, почему по старому листу нельзя указать новое место розетки, что надо проверить перед тем, как электрик возьмётся за работу. Можно было за двадцать минут составить Даше список вопросов, позвонить прорабу и узнать, когда он будет на месте.

Я подвинула ноутбук дальше от себя.

— Я больше не буду вести проекты студии.

Илья помолчал.

— Что значит «не буду»?

— То и значит. Текущие рабочие файлы, которые у меня есть, передам. Новые задачи брать не буду.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— И что, из-за нашей ссоры клиенты должны страдать?

— Клиенты не должны получать решения по непроверенным планам. Даша тебе об этом и сказала.

— Ты прекрасно поняла, о чём я.

В кухне упала ложка. Мама пробормотала что-то себе под нос и включила воду. Я слышала каждое движение в её квартире, как будто стены стали тоньше за ночь.

— Илья, я ухожу из студии. Давай отдельно обсудим, что осталось у меня и кому это передать. Но сегодня я работать не буду.

— Ты не работала восемь месяцев.

Я посмотрела на письмо из клиники в соседней вкладке. Там стояло его имя и время приёма.

— Да, — сказала я. — Не работала.

— Я не в этом смысле. Не начинай опять.

Я закрыла письмо.

— Значит, вы уже привыкли без меня обходиться.

— Жень, мы не на совещании. Хватит разговаривать со мной этим голосом.

— Другим у меня сейчас не получается.

Он зашуршал чем-то возле телефона. Наверное, искал чашку или отодвигал газету. Я знала, как он ходит по нашей кухне утром, и зачем-то увидела перед собой всю комнату: складку на скатерти, мой недопитый бокал, горшок с базиликом.

— Ты у матери сколько сидеть собираешься? — спросил он.

— Пока не знаю.

— Хорошо. Поживи, успокойся. Но работу-то зачем приплетать?

— Потому что я не хочу каждый день работать с тобой.

Это прозвучало грубее, чем я собиралась. Я потёрла ладонью лоб и подождала, пока он ответит.

— А с кем хочешь? — спросил Илья. — Ты думаешь, тебя уже где-то ждут?

Я не ответила.

— У нас с тобой студия. Клиенты. Договорённости. Ты сейчас хлопнешь дверью, а через неделю надо будет на что-то жить. Я тебя знаю, Жень. Ты потом сама будешь жалеть, что наговорила.

Мама выключила воду.

Я сказала, что файлы пришлю завтра, и закончила разговор.

Некоторое время сидела, держа телефон в руке. Потом положила его на подоконник, открыла рабочую папку и скопировала в отдельный каталог последнюю версию гостиницы, которую действительно делала я. Она была датирована августом. До аварии оставалось одиннадцать дней.

Я набрала Даше короткое сообщение: какие материалы пришлю, что в них не учтено, какую дату следует проверить. Перечитала и отправила.

Мама вошла с кружкой кофе.

— Ты завтракать будешь?

— Буду.

— Блины холодные уже. Погрею.

— Не надо. Я такие люблю.

Я взяла тарелку. Блины были завёрнуты конвертами, внутри оказалось яблочное повидло. Мама всегда говорила, что покупает его для гостей, а потом ела прямо из банки.

— Живи сколько надо, — сказала она, садясь на край дивана. — Только с работой не торопись. Ну, уходить оттуда. Ты сначала найди что-нибудь.

— Я уже сказала ему.

— Сказать можно что угодно. Вы столько лет вместе делали. Жалко ведь всё бросать.

Я посмотрела на экран. Под фамилией стоял логотип студии: две пересекающиеся линии и слово «Крылов». Илья заказал его у знакомого, когда мы решили перестать работать просто из дома и сняли маленький офис. Он принёс несколько вариантов, я выбрала самый простой. Мне нравилось, как линии продолжали друг друга.

— Я не всё бросаю, — сказала я. — Файлы у меня есть.

Мама посмотрела на ноутбук, потом на меня.

— Ну ешь. Поговорим потом.

Я открыла банковское приложение, пока она собирала со стола чашки. На карте было двадцать три тысячи восемьсот сорок рублей. После такси и последней покупки в аптеке чуть меньше, чем я думала.

Завтрашний платёж за телефон был уже поставлен в очередь. Ещё один, за интернет дома, тоже.

Я отключила автоплатёж за интернет и несколько секунд смотрела на подтверждение. Потом вернулась в рабочую папку и создала новый документ.

В первой строке написала: «Евгения Крылова. Дизайнер интерьеров».

Глава 4. Моя фамилия на чертежах

Первую страницу портфолио я переделывала до обеда. То ставила фотографию, то убирала. На одной была слишком нарядная для человека, который ищет работу, на другой мне не нравилось всё, начиная с причёски. В конце концов оставила только имя и номер телефона.

Мама прошла мимо с сушилкой и задела чемодан. Я встала, помогла ей перенести мокрое бельё в спальню и вернулась к ноутбуку.

Нужно было выбрать шесть проектов. Два я открыла сразу, остальные пришлось искать в старых папках. Фотографии законченных квартир перемежались с больничными снимками документов: я сохраняла всё в одну папку, когда на рабочем столе кончилось место. Между кухней в тёмно-зелёном цвете и ведомостью отделки лежал чек за прокат коляски.

Я создала отдельный каталог и начала переносить туда фотографии.

На снимке первой нашей большой квартиры Илья стоял спиной к камере, придерживая зеркальную панель. Мы тогда боялись, что при перевозке её расколют, и сами приехали принимать доставку. Я помнила, как он смеялся, когда мы наконец вытащили панель из упаковки. Я пыталась сфотографировать стену, а он показывал в отражении язык.

На чистовом снимке его не было. Я выбрала его.

Следующий объект оказался в общей рабочей папке студии. Я вошла под своим старым адресом, скачала фотографии и открыла описание. Там было написано: «Автор проекта — студия „Крылов“».

Я поставила в новом документе свою фамилию. Потом дописала: «Проект выполнен в составе студии». Несколько секунд смотрела на строчку, проверяя, не выглядит ли она мелочно.

Пришлось отодвинуть этот вопрос. Портфолио я пока не отправила ни одному человеку.

Мама позвала в магазин. Сказала, что идёт за хлебом, но по дороге выяснилось, что ещё нужны молоко, яйца и лампочка в коридор. Я сунула телефон в карман и пошла с ней. На улице было слишком светло после нескольких часов перед экраном.

Мы обе жили в Екатеринбурге, мама по-прежнему на Уралмаше, но я уже давно не ходила с ней за покупками. Обычно привозила пакет продуктов, поднималась на двадцать минут и объясняла, почему не могу остаться дольше. Сейчас она шла рядом, придерживая меня под локоть на мокрых участках тротуара, хотя осторожность требовалась скорее ей самой.

В магазине я взяла щётку и маленькую упаковку зубной пасты. Потом вернулась за шампунем. Мама хотела положить всё в свою корзину.

— У меня деньги есть, — сказала я.

— Да я не про деньги. Чтобы два раза на кассу не стоять.

Я всё равно расплатилась отдельно. Взяла чек и автоматически проверила список. Крупных покупок не было, но пакет вышел тяжёлым.

По дороге обратно позвонила Таня. Я остановилась у подъезда, пока мама искала ключи.

— Жень, ты у мамы?

— Да.

— Илья сказал, вы поругались.

Я посмотрела на пакет. Зубная щётка упиралась упаковкой в бутылку шампуня.

— Он сказал, из-за чего?

Таня помолчала.

— Нет. Я поэтому и звоню.

— У него другая женщина.

Она выдохнула прямо в трубку.

— Что?

— Он вчера сам подтвердил. Они больше года вместе.

Мама открыла дверь и посмотрела на меня. Я показала, что поднимусь позже.

— Жень, я не знала.

— Я тоже.

— Господи. Я вчера тебе ещё…

Таня не договорила. Я вспомнила её просьбу присмотреть за братом и переступила с одной ноги на другую.

— Я понимаю. Ты не знала.

Она спросила, нужно ли что-нибудь привезти, потом предложила забрать мои вещи. Я сказала, что пока всего хватает. Это было неправдой, но ехать домой сейчас не хотелось даже в чужом сопровождении.

Когда мы попрощались, на телефоне осталось три пропущенных от Ильи. Я написала, что рабочие файлы пришлю утром, и убрала телефон.

Вечером я закончила портфолио. На последнем листе оставила гостиницу: обмер, планировка и два изображения номеров. Фотографий результата не было. Я подписала: «Авторская концепция и рабочие материалы до августа прошлого года. Проект не завершён».

Потом вернулась к началу и прочитала документ целиком. Выглядел он аккуратно, даже убедительно. Человек с таким портфолио мог прийти на собеседование и рассказать о работе.

Я только не понимала, как объяснить, почему больше не работаю в студии с той же фамилией на вывеске.

В понедельник я проснулась раньше мамы. В кухне на столе остались крошки от её вечернего бутерброда, возле плиты лежали очки. Я сварила кофе, села у окна и отправила Даше обещанные материалы. Отдельно написала, что они отражают состояние проекта до моей передачи дел.

Даша ответила через двадцать минут:

«Спасибо. Илья Сергеевич сказал пока ничего по гостинице не делать. Там договор заканчивают».

Я перечитала сообщение.

«Заказчик отказался?»

Она долго печатала, потом ответила:

«Да. Ещё на той неделе уведомление прислал. Я думала, вы знаете».

Я не знала. Илья вчера требовал немедленно решить вопрос с розетками на объекте, который уже терял. Возможно, надеялся, что, если быстро исправить очередную проблему, заказчик передумает. Мы так уже делали. Я приезжала, разбиралась, разговаривала с людьми, и после этого он говорил, что удалось сохранить клиента.

Я поблагодарила Дашу за информацию и закрыла переписку.

Первые два отклика на вакансии я отправляла медленно, проверяя каждую строчку сопроводительного письма. В третьем написала короче. На четвёртом перестала объяснять, почему последние восемь месяцев не вела проекты целиком.

В одной студии требовался человек на полный день в офис. В другой предлагали работу по отдельным заказам. Ещё одна искала визуализатора. Я посмотрела требования, поняла, что часть программ придётся освежить, и всё равно сохранила вакансию. Рабочую мышь я оставила дома. На маленьком столе маминой кухни для неё всё равно не было места, но рука уже ныла от сенсорной панели.

Мама вышла в халате и удивилась, что я не сплю.

— Я рано, — сказала я.

— Вижу. Кофе есть?

Я подвинула ей турку.

Мы позавтракали рядом с ноутбуком. Мама сначала старалась не заглядывать, потом не удержалась:

— А это вы делали? Я такой квартиры не видела.

На экране была кухня, которую я выбрала для обложки.

— Я.

— Красиво. Только стулья светлые. Их же мыть всё время.

— Там ткань моющаяся.

— Всё равно. Но красиво.

Я закрыла страницу. Через пару минут открыла снова и увеличила снимок. Хозяйка этой квартиры сначала тоже не хотела светлые стулья. Я привозила ей образец ткани, мы ставили на него чашку с кофе и потом оттирали пятно. Илья тогда сердился, что я трачу на выбор слишком много времени. Через год хозяйка заказала у нас ещё и квартиру для родителей.

Телефон зазвонил, когда мама понесла тарелки к раковине. Незнакомый номер. Я решила, что звонят по одной из вакансий, и встала, чтобы уйти в комнату.

— Евгения Крылова?

— Да.

— Андрей Руднев. Гостиница «Сосны». Удобно говорить?

Я остановилась посреди коридора.

Имя я узнала. В первоначальном договоре было «Андрей Николаевич Руднев». На первый обмер он не приезжал, ключи мне передавал его сотрудник. С самим владельцем общался Илья.

— Удобно, — сказала я.

— У меня ваш номер в старом письме с проектом. Вы сейчас ведёте этот объект?

— Нет. Я передала его в августе.

— Кому?

— Сначала Дарье, дизайнеру студии. Но все дальнейшие решения согласовывал Илья. Я не могу точно сказать, что меняли после передачи.

— А почему на последних листах ваша фамилия?

Я посмотрела на закрытую дверь маминой спальни. На ручке висел пакет с вещами, которые она собиралась отнести в ремонт.

— Я сама увидела это вчера. Подпись из исходного шаблона. Изменения по тому листу, который мне прислали, я не разрабатывала.

Он помолчал.

— Понятно. Супруг вам сообщил, что мы прекращаем работу?

— Сегодня узнала от Даши.

— Я сообщил ему в четверг.

Я ничего не ответила.

— Мне нужно понять, можно ли вообще закончить это до лета, — сказал Руднев. — Я спрашиваю про номера, не про папку с изображениями. Вы можете приехать и посмотреть?

Я села на край дивана.

— Как представитель студии?

— Нет. Со студией я больше не хочу иметь дела.

— Тогда нужно сразу сказать: я сейчас тоже прекращаю там работу. И мы с Ильёй расходимся. Чтобы потом не было недоразумений.

Произнести это незнакомому человеку оказалось легче, чем Тане. Он не охнул, не стал уточнять, что случилось. Только переспросил:

— Рабочие материалы у вас остались?

— Мои остались. Но я восемь месяцев не была на объекте. Мне нужно сначала увидеть, что там сделано.

— Вот это я и предлагаю.

Он назвал адрес и спросил, когда я могу приехать. Я посмотрела на открытый чемодан возле дивана, на две рубашки, которые успела достать и повесить на спинку стула.

— Завтра в первой половине дня.

— В десять устроит?

— Да.

Я нашла в сумке карандаш. Записывать было не на чем, и я перевернула чек из магазина.

— Евгения, — сказал он, когда я записала время. — Чтобы вы правильно поняли. Я не предлагаю вам работу заочно. И ещё раз оплачивать тот же результат не собираюсь.

Я задержала карандаш над чеком.

— Я тоже не собираюсь обещать вам результат, пока не увижу объект.

На другом конце некоторое время молчали.

— Тогда до завтра, — сказал Андрей.

Глава 5. Объект

У входа в гостиницу лежала распахнутая дверь. Обычная межкомнатная, без ручки, с карандашными пометками на защитной плёнке. Через неё переступали рабочие, а кто-то уже поставил на неё стаканчик с окурками.

Я остановилась у края, прикинула, куда перенести стаканчик, и только потом позвонила Андрею.

— Я у главного входа.

— Вижу. Сейчас выйду.

Я узнала его по фотографии в старой рабочей переписке. Там он был в тёмном пиджаке, а сейчас вышел в куртке с порезанным рукавом и нёс связку ключей. На вид немного старше меня. Тёмные волосы коротко подстрижены, на щеке полоса пыли. Он посмотрел на часы, потом на мою сумку.

— Доброе утро. Евгения?

— Да.

Мы пожали руки. Ладонь у него была холодная, и на указательном пальце я заметила след синей краски.

— Проходите.

— Дверь лучше убрать с прохода, — сказала я.

Он посмотрел вниз.

— Её вчера должны были забрать. Секунду.

Отставил стаканчик на подоконник и позвал мужчину в рабочей куртке. Они вдвоём подняли дверь, поставили у стены. Я успела увидеть смятый угол: её уже приложили обо что-то твёрдое.

— Это в номер? — спросила я.

— Нет, на замену. Не подошла по размеру.

Я ничего не сказала. Он заметил мой взгляд.

— Да, Евгения. Тут есть на что посмотреть.

Внутри пахло мокрой штукатуркой и растворимым кофе. У стойки, которую по моему проекту должны были сделать из дерева, стоял каркас, обшитый серыми листами. Вдоль пола тянулся удлинитель, на стене висела распечатка с телефонами. Моего номера там не было. Ильин стоял первым.

Я положила сумку на пустую коробку и достала папку с распечатками. Печать обошлась дороже, чем я ожидала, поэтому часть листов была чёрно-белой. Для разговора этого хватало.

Андрей посмотрел на папку.

— У меня эти листы есть.

— Я взяла свою последнюю версию. Чтобы сравнить на месте.

— Их уже столько, что я перестал понимать, где последняя.

— Я тоже пока не понимаю.

Он коротко кивнул и повёл меня по коридору.

В первом номере были покрашены стены, на полу лежал картон. Вдоль окна стояли коробки с плиткой, на одной кто-то написал красным маркером «НЕ БРАТЬ». Раньше здесь было шире. Я остановилась у входа в санузел и открыла план.

— Эту стену передвигали?

— Да. Илья сказал, иначе не встанет шкаф.

— Какой шкаф?

Андрей посмотрел на меня.

— В прихожей.

Я развернула лист к нему. На моём плане шкаф был у другой стены, и проход возле кровати оставался свободным.

— Вот этот?

Он наклонился. На куртке возле молнии виднелась белая строительная пыль.

— У вас здесь другое всё.

— Вход тот же. Шкаф в другом месте.

— Мне объяснили, что ваша планировка не сработает после уточнения размеров.

Я достала рулетку.

— Можно?

Он отступил, пропуская меня к стене. Я проверила длину, потом ширину простенка. Размеры были близки к тем, что я записала в августе. Причина могла оказаться в чём-то другом, но по двум замерам я не могла сделать вывод.

— Здесь нужно поднимать историю изменений, — сказала я. — И смотреть соседний номер.

— Вам зачем история? Мне нужно закончить.

Я задвинула ленту в корпус.

— Чтобы не предложить вернуть стену, за которой уже проложили что-то новое. Я пока не знаю, почему её перенесли.

Он некоторое время смотрел на план, потом взялся за край листа.

— Покажите, где у вас должна быть кровать.

Я показала. Он посмотрел на противоположную стену, где из подрозетников торчали провода.

— У меня прораб с пятницы спрашивает, где их выводить. Ему опять ничего не сказали.

— Мне звонили по этому вопросу в воскресенье. Я попросила проверить размеры и модель кровати.

— И?

— Больше со мной не связывались.

Андрей достал телефон, открыл папку с файлами. Я успела заметить несколько почти одинаковых названий с добавленными в конце цифрами. Он показал изображение комнаты.

На нём стояла широкая кровать с обивкой на всю стену. Рядом с ней висели бра, которых в моей версии не было.

— Это не ваш вариант? — спросил он.

— Нет.

— Мне его прислали с вашей фамилией.

Я вернула телефон.

— Я могу сказать, что делала сама. Всё остальное придётся сверять.

— Получается, мне восемь месяцев присылали непонятно что?

— Я не видела всё, что вам присылали.

Он убрал телефон в карман и прошёл в коридор. Я задержалась, чтобы записать номер комнаты на плане. Стены были покрашены почти в тот цвет, который я выбирала, но при здешнем освещении он уходил в розовый. Я посмотрела на окно, потом на лампочку под потолком. Могло быть дело в лампе. Менять краску только по первому впечатлению не стоило.

Мы прошли ещё несколько комнат. Где-то сантехника уже была установлена, где-то в санузле лежала нераспакованная плитка. Часть дверей стояла без наличников. В одной комнате был собран стол, но пока я не увидела спецификацию, не могла понять, относился ли он к номерам или его просто использовали рабочие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.